

Красная Чайника, или Смерть критика

Уютный
детектив

Милана Панова

**Красная строка или
Смерть критика**

«Автор»

2026

Панова М.

Красная строка или Смерть критика / М. Панова — «Автор»,
2026

Корректор Нина Платонова ехала в усадьбу «Старый Мост» вычитывать альманах. Ей предстояло три спокойных дня среди писателей, блинов и грозового неба. Вместо этого она получила литературную премию «Золотая запятая», пятерых финалистов с подозрительно одинаковыми почерками и анонимное письмо: «Некоторые из вас не пишут свои книги сами». Наутро самый язвительный критик найден в запертой бане. Сельский участковый уверен, что это угар. Нина — что это правка. Кто-то переписал последнюю статью покойного уже после его смерти и оставил в тексте следы, которые заметит только корректор. Река поднимается, мост обрушен, а в доме остался убийца, которому очень нужно, чтобы никто не читал внимательно. Книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо без марки	5
Глава 2. Золотая запятая	8
Глава 3. Пять почерков	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Милана Панова

Красная строка или Смерть критика

Глава 1. Письмо без марки

— «Не берите с собой красный карандаш», — прочитал вслух Андрей Громов и поднял на меня глаза. — Нина, ты же его возьмёшь.

— Возьму.

— И поедешь.

— Поеду.

— Хорошо. — Он положил письмо на стол между сахарницей и банкой с вареньем. — Тогда мне нужно знать, кто такая эта «М. В.».

Мы сидели на веранде дачи у Тихой, в понедельник утром, и над рекой ещё стоял пар. Катя, босая, в отцовской футболке до колен, жарила на кухне яичницу и пела, не попадая ни в одну ноту. Эклер, выбравший самое тёплое место на подоконнике, делал вид, что письмо его не касается. Но ухо у него было повернуто к нам.

— Люба знает, — сказала я. — Я утром написала ей. Через пять минут она ответила голосовым на три минуты. Если коротко, то Маргарита Викторовна Ласточкина, семьдесят один год, бывший главный редактор московского издательства «Новый ряд». Лет шесть назад купила старую усадьбу в Старом Мосту, это вверх по реке, километров сорок, и устроила там дом творчества. Каждое лето собирает самых известных авторов, кормит их, поит и заставляет писать.

— Заставляет? — удивился Андрей.

— По словам Любы, она «железная леди». У неё в издательстве за сорок лет не вышло ни одной книги без её правки, и все авторы её боялись и любили одновременно. Тамара Ильинична, когда услышала фамилию, сказала: «Не простила бы мне ни одного "ибо"».

— А что значит «в рукописи не сходится в людях»?

— Не знаю. Поэтому и поеду.

Андрей молчал. Он вообще умел молчать очень выразительно, и я за последние месяцы научилась читать это молчание, как читаю текст: слева направо и с пониманием интонации. Сейчас оно означало: «Ты опять идёшь туда, где что-то не так, а я не могу пойти с тобой».

— У меня в среду заседание в прокуратуре, — сказал он наконец. — Совещание по делу нотариуса и ещё два протокола. Я не смогу.

— Я знаю.

— Нина, ты помнишь, что ты корректор?

— Помню.

— Тогда читай рукопись, а не людей.

— Андрей, у меня не получается отдельно. — Я улыбнулась. — Это одно и то же.

В дверях кухни появилась Катя со сковородкой.

— Я тоже поеду, — сказала она.

— Нет, — сказал Андрей.

— Да, — сказала Катя. — У меня каникулы. Мне нужна практика.

— Это не практика, Катюша. Это отдых.

— Пап, отдых — это когда ты не знаешь, зачем едешь. А я знаю. Я хочу посмотреть, как работает человек, который находит ошибки в людях. — Она поставила сковородку на стол. — К тому же там будут писатели. Я никогда не видела живого писателя. Кроме Нины.

— Я не писатель.

— Вы автор «Лишней запятой» в мастерской Тамары Ильиничны, там всё на вас держится. — Катя села и принялась делить яичницу на три части с точностью следователя. — Папа, я буду звонить каждый вечер.

— Ты не сможешь. Там связь плохая.

— Тогда пришлю голубя.

Андрей закрыл лицо ладонью. Плечи его мелко затряслись.

— Нина, — сказал он сквозь пальцы. — Возьмёшь?

— Возьму. Она умная. И у неё лучше, чем у меня, получается разговаривать с людьми, которых я не понимаю.

— Это комплимент?

— Это информация, — сказала Катя с набитым ртом. — Нина, вы собираетесь ехать с котом?

Эклер на подоконнике открыл глаза, поглядел на нас с высоты своего положения и повернулся на другой бок, показывая, что ехать ему не хочется, но он числится в штате и ничего не поделаешь.

На автобусной станции Тихоречья в среду утром нас провожали Люба и Тамара Ильинична. Люба вручила огромный пакет с пирожками: «На случай, если там кормят одной поэзией». Тамара Ильинична, одетая в строгий бежевый костюм, чтобы подчеркнуть значительность момента, наклонилась ко мне и тихо сказала:

— Нина, когда они начнут рассказывать про «мою музу» и «внутреннюю необходимость писать», не верьте ни одному слову. Писатели любят сочинять не только книги.

— Принято.

— И, ради Бога, не говорите им, что вы корректор. Они вас съедят.

— Мне сказали, что они меня боятся.

— Это одно и то же, — вздохнула Тамара Ильинична.

Дорога до Старого Моста заняла два часа. Старенький автобус тащился по просёлку среди золотых полей, мимо покосившихся деревень и придорожных часовен, а Эклер в плетёной корзине то обиженно ворчал, то засыпал. За окном стоял конец июля, и воздух над дорогой дрожал от жары. Катя читала в телефоне правила Уголовно-процессуального кодекса и время от времени тихо ахала.

— Что? — спросила я.

— Тут сказано, что понятые должны быть совершеннолетними и не заинтересованными лицами. А мне по закону сколько?

— Девятнадцать.

— Я тогда подхожу, — довольно сказала Катя.

Автобус высадил нас на пыльной площадке у въезда в село. Село называлось Старый Мост, и оно, как выяснилось, не получило бы такого названия, если бы никогда не имело моста. Мы вышли к реке и остановились.

Тихая здесь была шире, чем в Тихоречье, тёмная, спокойная, с песчаными отмелями и ивами по берегам. От берега к берегу, через всю реку, шёл остов огромного каменного моста. Две опоры стояли, как усталые стражи, а между ними зияла пустота: пролёты обрушились. Ржавые арматурные прутья торчали из воды, как рёбра гигантского животного.

— В апреле обвалился, — сказал голос рядом.

Мы обернулись. У деревянных мостков стоял худой, загорелый до черноты старик в кепке и клетчатой рубашке, с папиросой в углу рта. Рядом покачивался на воде большой плоский паром, привязанный толстым тросом, перекинутым на другой берег.

— Двести лет стоял, — продолжал он. — Ещё при Александре Первом строили. А весной вода пошла, лёд, и он, значит, не выдержал. Теперь через меня. Тимофей я. Перевожу. С носа двадцать рублей, с багажа по договорённости, с кота бесплатно.

— Спасибо, — сказала я.

— А кот у вас какой масти?

— Рыжий.

Тимофей помрачнел.

— Плохая примета. Рыжий кот на воде к ветру. — Он помолчал. — Ну ладно. Садитесь. Всё равно перевозить надо.

Катя прыснула. Эклер высунул нос из корзины, оглядел старика, реку и паром с таким видом, словно собирался вынести свой вердикт о мореходных качествах нашего средства передвижения, и снова спрятался.

Паром двинулся медленно, скрипя и лязгая цепями. Вода под бортом была тёмная, плотная, как варенье, и в ней покачивались облака. На том берегу, среди густых яблонь, виднелась белая колоннада старого дома.

— Это усадьба, — сказал Тимофей, перебирая трос. — «Дом творчества», как они его называют. Двадцать лет назад здесь коровник был. Потом Маргарита Викторовна купила, всё отмыла и теперь собирает писателей. Они, знаете, странные. Один утром в пижаме по саду ходил и кричал: «Я нашёл рифму!» Рифма, говорит, к слову «октябрь». Я ему подсказал: «Рябь». Он на меня так посмотрел, как будто я его оскорбил.

— А «рябь» подходит?

— Вроде нет. Но мне понравилась.

Мы с Катей засмеялись. И тут мне показалось, что Тимофей на секунду нахмурился и посмотрел вверх, на небо. Оно было ослепительно голубым и без единого облака.

— Что-то не так? — спросила я.

— Давление скачет, — сказал паромщик. — К перемене. А рыжий кот, он знает, чувствует. Не зря у вас на лице написано: «Что-то будет».

— У меня на лице написано «я устала с дороги».

— Нет, — сказал Тимофей. — Там другое. Но я не буду. Моё дело перевозить.

Паром мягко ткнулся в мостки. Я подняла корзину, взяла сумку, проверила красный карандаш в кармане и сошла на берег. Эклер зашипел.

— Он что-то чувствует, — сказала Катя тихо.

— Или просто не любит воду.

— Нина, — Катя взяла меня под руку, и я вдруг почувствовала, как она мне близка, даже слишком. — Мне кажется, вы его понимаете лучше.

— Что?

— Что всё это не к добру.

— Катя.

— Я не боюсь. Просто говорю.

Мы пошли по тенистой аллее к усадьбе. Над нами шелестели липы, где-то далеко кричала иволга. И я вдруг подумала, что единственное предупреждение, которое мне сегодня было нужно, я получила в письме. Не берите красный карандаш. Он слишком заметен.

Заметен кому?

Глава 2. Золотая запятая

Усадьба «Старый Мост» оказалась именно такой, какой должна быть усадьба в романе: двухэтажная, белая, с колоннами и мезонином, с широкой террасой, обвитой диким виноградом, с липовой аллеей, оранжереей, прудом и старой мельницей на краю сада. Над всем этим стояло такое густое, тёплое, медовое летнее молчание, что я невольно перешла на шёпот.

— Нина, — шепнула Катя. — Тут можно жить.

— Тут можно писать, — сказала я. — Это опаснее.

На террасе нас ждали. Точнее, ждали двое: высокая седая женщина в шёлковом шарфе цвета слоновой кости и приземистый бульдог с вислыми щеками. Бульдог лежал на ступеньках с таким видом, будто его там забыли в прошлом веке. Увидев нас, он приоткрыл один глаз, оглядел корзину и издал низкое, ворчливое, недоверчивое «уф».

— Не обращайтесь внимания, — сказала женщина. — Это Абзац. Он считает, что новые люди нарушают порядок. Но со временем привыкает.

Ей было за семьдесят, но возраст на ней сидел, как хорошо сшитый костюм: не мешал и придавал значительности. Прямая спина, ясные серые глаза, тонкий, чуть заострённый нос, седые волосы, убранные в тугой узел, и голос, чистый и звонкий, как колокольчик, которым в старину звонили к началу занятий. Она протянула руку.

— Маргарита Викторовна Ласточкина. Вы Нина Сергеевна Платонова.

— Да.

— Я читала о вас в газете. «Корректор, которая видит убийцу по лишней букве». Преувеличение, надеюсь?

— Приукрашенное, но не ложное.

— Прекрасно. Я не люблю точность без поправок. — Она посмотрела на Катю. — А это?

— Катя Громова, — быстро сказала Катя. — Моя помощница. То есть... ассистентка. То есть стажёр.

— Юридического факультета, если не ошибаюсь?

— Откуда вы знаете?

— У вас на рюкзаке брелок «Фемида». Они все такие. — Маргарита Викторовна чуть улыбнулась. — А кот?

Эклер выглянул из корзины. Бульдог Абзац вскочил, и на мгновение на террасе наступила напряжённая тишина, как перед дуэлью. Потом Эклер лениво вылез, вытянул лапы, потянулся и неторопливо прошествовал мимо бульдога к ближайшему креслу, где свернулся клубком. Абзац потрясённо смотрел ему вслед. Потом лёг обратно на ступеньки и положил голову на лапы с видом полного поражения.

— Он победил, — сказала Маргарита Викторовна. — Ваш кот мне нравится.

— Он числится в штате.

— Я так и думала.

Она провела нас в дом. Внутри было прохладно, пахло книгами, полиролью и травяным чаем. Просторный холл с лестницей, обитой красным ковром, большая светлая библиотека с высокими стеллажами до потолка, в которой стоял тяжёлый дубовый стол и два кожаных дивана. Над камином висел портрет молодой женщины в старинном платье, и мне показалось, что она смотрит на нас с лёгкой иронией.

— Присаживайтесь, — сказала Маргарита Викторовна. — Агафья Тихоновна принесёт чай. Поговорим до того, как придут остальные.

Мы сели. Катя достала блокнот, и хозяйка бросила на него одобрительный взгляд.

— Нина Сергеевна, — начала она. — Давайте без предисловий. Я пишу письма коротко, поэтому вы могли подумать, что я человек загадочный. Это не так. Я просто не люблю лишних слов. Вы читали моё письмо?

— Читала.

— Вам непонятно, о чём оно?

— Мне непонятно, почему «не в запятых, а в людях».

Маргарита Викторовна кивнула, как преподаватель, услышавший верный вопрос.

— Каждое лето, с шестого года, я устраиваю здесь «Старомостский ретрит». Приглашаю пятерых авторов. Они живут неделю, пишут, читают друг другу, едят, спорят. В конце вручается премия.

— Премия?

— «Золотая запятая». Один миллион рублей и издание новой книги в моём издательстве. — Она чуть улыбнулась. — Название придумал мой покойный муж. Ему казалось, что запятая это самый важный знак препинания. Она не останавливает, но предупреждает.

— Согласна, — сказала я.

— Я знала, что вы согласитесь. — Она сложила руки на коленях. — В этом году финалистов пятеро. Вы их узнаете. Родион Бражников, король триллера. Эльвира Кроль, королева любовного романа. Арсений Лобанов, автор «Хроник Эльвидора». Лидия Зимина... нет, прошу прощения, Лидия не финалист. Она секретарь Бражникова. И Никита Сомов, критик, который приглашён освещать мероприятие.

— То есть финалистов не пятеро, а трое.

— Трое писателей. Но я пригласила пятерых человек. — Она посмотрела на меня серыми острыми глазами. — Вот почему вы здесь. Три недели назад я получила письмо. Без подписи. Напечатано на принтере. Вот.

Она достала из ящика стола конверт, вынула лист и протянула мне.

Бумага была обычная, белая. Текст короткий, в три строки:

«Среди финалистов «Золотой запятой» есть те, кто не пишет свои книги сами. Проверьте до церемонии. Иначе премия достанется чужому».

Я прочитала. Потом перечитала. Потом достала красный карандаш и, не прикасаясь к бумаге, провела им в воздухе над каждой строкой.

— Мне нужно посмотреть на конверт.

— Пожалуйста.

Я осмотрела конверт. Обычный, белый, без марки. Бросили в ящик у калитки. На лицевой стороне, ровным печатным шрифтом: «М. В. Ласточкиной. Лично».

— Что вы видите? — тихо спросила Маргарита Викторовна.

— Пока немного. Но он умеет писать. «Среди финалистов» без лишней запятой. «Проверьте до церемонии» с точкой, а не с восклицательным знаком. Кавычки-ёлочки. Человек аккуратный, образованный, привыкший к правильной печати. И ещё, — я замялась, — тут тире стоит длинное, настоящее. Не дефис. Это значит, что автор письма знает разницу.

— Вот именно, — сказала Маргарита Викторовна. — Поэтому вы мне и нужны. Я не следователь, Нина Сергеевна. Я издатель. Но сорок лет в литературе научили меня одному: плагиат и подмена авторства бывают разными. Иногда человек пишет сам, но крадёт чужое. Иногда не пишет совсем, а нанимает. Иногда присваивает чужой труд. И всё это можно распознать по тексту, если читать как следует.

— Вы хотите, чтобы я установила, кто из них не автор.

— Я хочу, чтобы вы прочли. Они не знают, что вы корректор. Я представлю вас как гостью, приглашённую вычитать финальный альманах. Это нормальная работа: мы выпускаем сборник из последних глав, написанных на ретрите. Они сами отдадут вам тексты на правку.

— И я должна сравнить их с прежними книгами.

— Совершенно верно.

Я молчала. За окном шелестели липы, и где-то в глубине дома тикали старинные часы.

— Маргарита Викторовна, — сказала я. — Я никого не обвиняю. Я только читаю.

— Больше мне ничего не нужно.

— Если я найду то, что вам не понравится?

— Тогда я сделаю то, что мне положено. — Она улыбнулась, и в этой улыбке мелькнуло что-то железное. — Нина Сергеевна, я двадцать лет возглавляла издательство. Я не боюсь правды. Я боюсь только недовычитанных вещей.

Дверь библиотеки открылась. Вошла полная женщина лет шестидесяти в белом переднике, с подносом в руках.

— Маргарита Викторовна, чай. И пирожки. И, простите, гости идут.

— Спасибо, Агафья Тихоновна.

Я слышала голоса. Громкие, смеющиеся, перебивающие друг друга. В холле хлопнула дверь, послышались шаги, и в библиотеку вошёл человек, которого я узнала бы среди тысячи, потому что видела его лицо на обложках: широкое, красное, обрамлённое тёмной бородой с проседью, с огромными руками и таким раскатистым голосом, что, казалось, он говорит одновременно в три микрофона.

— Маргарита! — прогремел Родион Сергеевич Бражников. — Ты знаешь, что я только что видел в вашем пруду? Утку! Настоящую! Я хочу написать про неё детектив!

— Родион, — сказала Маргарита Викторовна. — Ты пишешь про убийц, а не про уток.

— Я напишу про убийцу уток!

Вслед за ним, чуть поодаль, неслышно вошла худая женщина лет пятидесяти в сером кардигане, с очками на цепочке и стопкой папок в руках. Она остановилась у двери, окинула комнату быстрым взглядом, поймала мой взгляд и тут же опустила глаза. Это была Лидия Павловна Зимина, секретарь Бражникова. Пока он говорил, она молча расставляла чашки.

Потом в комнату вплыла дама в зелёном тюрбане и в таком количестве колец, что я невольно подумала о ювелирной лавке. Эльвира Станиславовна Кроль. Ей было шестьдесят три, но она двигалась так, как двигаются женщины, которые в семнадцать лет решили, что возраст им не указ.

— Дорогая, — пропела она, целуя воздух рядом с щекой хозяйки. — Какой ужас эта жара. Я чуть не умерла в вашей электричке.

— Здесь нет электрички, Эльвира.

— Тогда в автобусе. Родион, ты опять выпил?

— Я не пью, я вдохновляюсь!

— Ты вдохновляешься с девяносто четвёртого года, и ничего хорошего это не принесло.

Они, как мне показалось, обменялись такими взглядами, какими обмениваются люди, прожившие вместе много лет, а потом много лет не разговаривавшие.

Последними вошли двое молодых людей. Первый высокий, широкоплечий, в светлой льняной рубашке, с аккуратно подстриженной бородкой и обаятельной улыбкой, от которой на щеках появлялись ямочки. Он нёс в руках сразу три пакета и огромный рюкзак. Арсений Лобанов, тридцать четыре года, автор девяти томов «Хроник Эльвидора», пишущий, как говорили, быстрее, чем люди читают.

— Простите, простите, я задержался, — говорил он. — Тут у вас такая красота! Маргарита Викторовна, я привёз вам мёд. Из Подмоскovie, от пасечника, друга моего. Девушки, кому чай?

Он поставил пакеты на стол и немедленно принялся разливать чай. Улыбаясь так, что я, ей-богу, на секунду подумала: «Какой милый».

А второй, чуть поодаль, у двери, стоял, засунув руки в карманы джинсов, и разглядывал комнату с тем выражением лица, которое бывает у людей, пришедших на выставку, чтобы

потом написать о ней уничтожающую рецензию. Худой, в очках, в мятой рубашке, с растрёпанными тёмными волосами и тонкими, нервными губами.

— Никита Сомов, — тихо подсказала мне Маргарита Викторовна. — «Злой Никита». У него триста тысяч подписчиков. Все его боятся.

— Почему?

— Потому что он умеет находить в книге то единственное предложение, которое её губит.

Никита Сомов обвёл взглядом комнату, остановился на мне, на Кате, на корзине, из которой торчал рыжий хвост. Приподнял бровь.

— О, — сказал он. — Новые люди. Корректор, если не ошибаюсь?

В библиотеке стало очень тихо.

— Нина Платонова, — спокойно сказала Маргарита Викторовна. — Моя гостья. Она вычитает альманах.

— Конечно, — улыбнулся Никита. — Все гости что-нибудь вычитывают. — Он помолчал. — Только у вас красный карандаш торчит из кармана.

Я опустила глаза. Из нагрудного кармана, чуть выглянув из-под отворота, действительно высовывался красный кончик.

— Привычка, — сказала я.

— Понимаю, — ответил Никита мягко. — У меня тоже есть привычка. Я вижу то, что остальные предпочли бы не заметить.

Он вынул из кармана руку, я увидела на указательном пальце тёмное пятно чернил. Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

— Добро пожаловать в Старый Мост, Нина Сергеевна. Я рад, что вы приехали. Здесь будет интересно.

Эклер на кресле приоткрыл один янтарный глаз, посмотрел на Никиту и негромко, очень негромко, шевельнул хвостом. Как человек, который не одобряет, но пока не вмешивается.

Глава 3. Пять почерков

В четверг утром, пока гости ещё спали, я сидела в оранжерее, за маленьким плетёным столиком среди лимонных деревьев, и раскладывала перед собой пять стопок бумаги.

Оранжерея, стеклянный купол на чугунных рёбрах, выходила на пруд, и сквозь запотевшие окна мир казался зелёным и расплывчатым, как мысли после третьей чашки кофе. Пахло землёй, мятой, нагретым стеклом и немного ладаном. Рядом, на подоконнике, спал Эклер, а на полу, неожиданно мирно, лежал бульдог Абзац. Они не разговаривали, но теперь, по всей видимости, разделяли территорию.

— Нина, — шёпотом сказала Катя, входя. Она была в шортах и футболке с надписью «Право на ошибку», и в руках держала поднос с завтраком. — Агафья Тихоновна сказала: если корректору не давать еды, он начнёт править меню.

— Агафья Тихоновна мудрая женщина.

— Она сказала ещё, что в этом доме трёх человек уже довели до слёз. Кого, не говорит.

— Я догадываюсь.

Передо мной лежали книги и рукописи. Пять стопок. Каждая принадлежала одному из гостей.

Первая: Родион Бражников. Двадцать два романа в твёрдых обложках, тираж каждого от трёхсот тысяч экземпляров. Названия, от которых веяло горячим асфальтом: «Железный август», «Чёрный пароль», «Последний патрон», «Холодная кровь». Рядом новая рукопись, пятьдесят страниц, «Ночной сторож», написанная на ретрите.

Вторая: Эльвира Кроль. Двадцать шесть романов в мягких обложках, названия, окутанные запахом сирени и дорогих духов: «Любовь на закате», «Дважды вдова», «Последний бал». И пятьдесят страниц новой рукописи.

Третья: Арсений Лобанов. Девять томов «Хроник Эльвидора» и ещё четыре книги вне серии. Корешки, на которых золотом блестели драконы.

Четвёртая: Никита Сомов. Не книги, а распечатки блога, публикаций, эссе. Триста страниц, на каждой из которых он кого-то уничтожал.

Пятая: сборник под названием «Старомостский альманах», в котором лежали работы последних лет, подготовленные для публикации.

— Ну что, — сказала Катя, садясь напротив. — С чего начнём?

— С основ.

— Основы чего?

— Любой автор, Катя, пишет не только то, что хочет сказать, но и то, как привык. Это как отпечатки пальцев. Мы называем это «идиолект». Количество прилагательных, длина предложений, любимые слова, ритм, знаки препинания. Это очень трудно подделать. Человек может симитировать чужой сюжет, но не чужую интонацию. — Я взяла красный карандаш. — Поэтому мы возьмём книги, которые автор писал давно, до всей этой славы, и сравним с тем, что он пишет сейчас.

— А если он изменился?

— Изменился, но не так. Люди растут, но их привычки остаются. Если у человека вдруг меняются все привычки одновременно, значит, это не он.

Мы работали четыре часа. Я читала, Катя составляла таблицы. К полудню таблицы покрыли весь стол, а в оранжерее стало жарко и душно.

Первое открытие касалось Бражникова.

— Смотри, — сказала я. — «Железный август», девяносто восьмой год. Первый роман. Герой, Макс Железнов, бывший десантник. Пьёт водку, курит «Беломор», ездит на «Ниве». Фразы короткие. Диалоги резкие. Много глаголов. Никаких описаний.

— Круто, — сказала Катя.

— А теперь «Последний патрон», две тысячи двенадцатый. Тот же герой. Но смотри, что он делает.

Я открыла страницу, отчёркнутую красным.

— «Макс налил себе чаю с мятой, закутался в плед и погладил Мурзика, который лежал у него на коленях и тихо мурлыкал».

Катя прыснула.

— Мурзик?

— Кот. Появляется в две тысячи десятом, в «Холодной крови». Живёт у Макса в одиннадцати романах подряд. Родион Сергеевич, как я выяснила вчера из интервью, ненавидит кошек. Он сам говорил в прессе: «Кошка — это маленькое хищное зло». А тут сорок страниц нежности: «Мурзик потёрся о его ногу». «Мурзик устроился на подоконнике». «Мурзик посмотрел на убийцу с презрением».

— Значит, с две тысячи десятого года книги писал кто-то другой, — медленно сказала Катя.

— Не просто другой. Кто-то, у кого дома есть кот, который любит мяту и пледы. И кто пишет в этом ритме, смотри: «Макс вздохнул; за окном моросил дождь; на плите остывал чайник». Точка с запятой. Три коротких предложения с одним смыслом. И каждая книга с двенадцатого года заканчивается сценой за чаем. Это вообще не триллеры, Катя. Это уютные детективы, замаскированные под боевики.

— Нина, кто это?

Я не ответила. Я смотрела в окно оранжереи, на дорожку, по которой в этот момент медленно шла Лидия Павловна Зимина. Она несла стопку папок и тихо, под нос, что-то напевала. В нагрудном кармане её серого кардигана лежал блокнот. На обложке блокнота, ярко-рыжими буквами, было выведено: «Мурзик. Что купить».

— Она? — шёпотом спросила Катя.

— Возможно.

— Но она же просто секретарь.

— Секретарь, которого Родион Бражников держит рядом двадцать лет. Который сидит на всех встречах, но никогда не говорит. Который всегда держится на шаг позади. — Я постучала карандашом по столу. — Хороший автор умеет исчезать. Лучший исчезает так, что никто не замечает.

— Но зачем ей...

— Не знаю. Пока.

Вторая находка касалась Эльвиры. Тут всё было почти честно: двадцать шесть романов, написанных одним и тем же человеком. Любимые слова: «ресницы», «томно», «вздох». Привычка ставить многоточие там, где нужно было точку. Бесконечные «её сердце трепетало, как...». Это был настоящий голос, ровный, узнаваемый, с налётом сентиментальности, но без единого признака чужого вмешательства.

— Значит, она честная, — сказала Катя.

— Не совсем. — Я протянула ей брошюру в пёстрой обложке, которую нашла в стопке. — Взгляни.

Это был маленький томик в мягком переплёте. «Страсть без границ». Автор: Анжелика Рок.

— Кто это?

— Не знаю. Но у Анжелики Рок точно те же ресницы, те же вздохи и то же многоточие. А ещё в тексте восемь раз повторяется фраза «она задрожала, как лист», которую я нашла у Эльвиры в «Дважды вдове». Могу поспорить, что Эльвира Станиславовна пишет не только салонные романы.

— Вторая жизнь?

— Скорее, вторая профессия. Анжелика Рок пишет такое, чего Эльвира Кроль в «серьёзных кругах» стесняется. Но она не мошенница. Она просто двойная.

Катя тихо рассмеялась.

— Значит, на очереди двое.

— Да. Арсений и Никита.

Книги Арсения были самым загадочным местом. «Хроники Эльвидора» написаны мощным, плавным, красивым языком: длинные периоды, образные метафоры, сложный ритм. Я прочла десять страниц первой книги и мгновенно отметила: человек, писавший это, мог читать вслух наизусть Лермонтова. Прилагательные в точном порядке. Сравнения оригинальные. Диалоги звучали живо, с настоящей интонацией.

Потом я взяла новую рукопись, которую Арсений написал на ретрите за три дня.

Я читала её и всё сильнее хмурилась.

— Что? — спросила Катя.

— Смотри. Предложения короткие. Глаголы бедные. Метафор ноль. И диалоги, — я постучала карандашом по странице, — в диалогах дефис вместо тире.

— Это важно?

— Для корректора это как если бы человек ходил в одном ботинке. В русском языке прямая речь начинается длинным тире, «—». Арсений ставит короткий дефис с пробелами: «- Привет, - сказал он». Так пишут в интернете, в переписке, на форумах. В печатных книгах такого не бывает: редактор или корректор обязательно исправляет. Значит, в «Хрониках» всё поправили. Но человек сам пишет так, как привык.

— Подожди. — Катя вытащила телефон. — Он мне вчера писал. Про розетку для ноутбука. Вот. — Она показала экран. — «Привет - можно твой зарядник? - спросил Арсений». Нет, это я перепутала. «Катя - привет, - есть удлинитель?» Дефисы.

— Вот видишь.

— Значит, у него книги другого уровня, чем его собственный язык?

— Или он писал их в разные годы и сильно вырос, — осторожно сказала я. — Или у него был сильный редактор. Или... — я замолчала.

— Или книги не его.

— Не будем торопиться.

— Но вы думаете, что не его.

— Я думаю, что хочу ещё раз всё перечитать.

Я встала, подошла к окну и посмотрела на пруд. Над водой плыла утренняя дымка, и в ней, на дальнем берегу, бродил высокий худой человек в мятой рубашке с блокнотом в руке. Никита Сомов. Он останавливался, что-то записывал, снова шёл. Время от времени поднимал голову и смотрел в сторону дома, и мне показалось, что в эту секунду он смотрит именно на оранжерею.

— Это он, — тихо сказала Катя. — Анонимный автор письма.

— Почему вы так решили?

— Потому что его эссе, которые вы мне вчера показывали, написаны ровно такими же ёлочками и такими же длинными тире, как письмо Маргарите Викторовне. Он, видимо, ничего не боялся. Только почему он не подписался?

— Потому что критики любят, когда их читают, но не любят, когда их узнают, — сказала я. — И потому что письмо должно было сработать само.

— Что сработать?

— Я надеюсь, что это не то, о чём я думаю.

Эклер на подоконнике вдруг открыл оба глаза, поднял голову и уставился на дверь. Абзац, лежавший у его лап, глухо ворчнул.

В оранжерею вошёл Арсений Лобанов с подносом и ослепительной улыбкой.

— Девушки! Вас не накормили? Я принёс клубнику. Утром с грядки.

Он поставил поднос на стол. Положил рядом с Катей большую ягоду, на лице у него расцвела улыбка, от которой у любой другой девушки, наверное, подкосились бы колени. Катя посмотрела на ягоду, потом на Арсения очень внимательным, серым, отцовским взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.